

# ДИСКУССИИ

## О КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ РАССЛОЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА В ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

И. А. БУЛЫГИН

В происходящей дискуссии о расслоении крестьянства центральное место заняла полемика между сторонниками начала капиталистического расслоения крестьянства в XVII в. и их оппонентами, относящими указанные явления к гораздо более позднему времени. Взгляды первых в наиболее развернутом виде изложены в статьях и выступлениях Н. В. Устюгова, Е. И. Индовой, А. А. Преображенского и Ю. А. Тихонова, точка зрения вторых — в работах В. К. Яцунского. По мнению Н. В. Устюгова и других, зачатки новых буржуазных отношений в среде как земледельческого, так и промыслового крестьянства появляются уже в XVII в.<sup>1</sup> В противоположность им В. К. Яцунский исходит из того, что капиталистическое расслоение среди промыслового крестьянства началось намного раньше, чем среди земледельческих крестьян. Правда, В. К. Яцунский не уточняет, к какому времени относится расслоение промыслового крестьянства, но, видимо, здесь он в основном согласен с точкой зрения Н. В. Устюгова и других. В земледельческом же крестьянстве, по его мнению, до XIX в. было только имущественное неравенство. Первые ростки капиталистических отношений в земледелии появляются в первой половине XIX в., причем до отмены крепостного права они были очень слабыми и имели место лишь в отдельных, преимущественно окраинных районах (Новороссия, Заволжье, Прибалтика)<sup>2</sup>.

Таким образом, расхождения относятся главным образом к решению вопроса о начале расслоения земледельческого крестьянства. В этом споре наименее убедительной и правильной нам представляется позиция В. К. Яцунского. Поэтому позволим себе остановиться на ней более подробно.

Рассмотрим прежде всего теоретические положения, из которых исходит В. К. Яцунский. Первым и главным из них является тезис, согласно которому капиталистическое разложение земледельческого крестьянства возможно только при господстве в стране товарного хозяйства и полном подчинении крестьян рынку, т. е. тогда, когда капитализм побеждает как формация. Для обоснования своего положения В. К. Яцунский пытается опереться на высказывания В. И. Ленина, на его общую концепцию процесса капиталистического разложения крестьянства. В. К. Яцунский пишет: «Прежде всего В. И. Ленин указывает, что процесс разложения крестьянства протекал при господстве (подчеркнуто мной.— В. Я.) в стране товарного хозяйства, когда „крестьянин

<sup>1</sup> Н. В. Устюгов. К вопросу о расслоении русской черносошной деревни XVII в. «История СССР», 1961, № 6; Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Буржуазное расслоение крестьянства в России XVII—XVIII вв. «История СССР», 1962, № 3.

<sup>2</sup> В. К. Яцунский. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1959 г.», М., 1961, стр. 35, 46—47. Его же. Еще к вопросу о возникновении капиталистического расслоения земледельческого крестьянства в дореформенной России. «История СССР», 1963, № 1, стр. 120—121.

вполне подчинен рынку»<sup>3</sup>. В другом месте эта же мысль излагается следующим образом: «Как на необходимую предпосылку капиталистического разложения земледельческого крестьянства, В. И. Ленин указывал на господство в стране товарного хозяйства и полное подчинение крестьян рынку»<sup>4</sup>. В. К. Яцунский имеет здесь в виду первый вывод из II главы «Развития капитализма в России», где В. И. Ленин писал: «Общественно-экономическая обстановка, в которую поставлено с о в р е м е н н о е (подчеркнуто мной.— И. Б.) русское крестьянство, есть товарное хозяйство. Даже в центральной земледельческой полосе (которая наиболее отстала в этом отношении сравнительно с юго-восточными окраинами или с промышленными губерниями) крестьянин вполне подчинен рынку»<sup>5</sup>. Думается, что В. К. Яцунский неверно понимает и передает смысл приведенного положения. Ведь В. И. Ленин прямо указывает, что речь идет о «современном», т. е. пореформенном крестьянстве, разложение которого, как известно, и являлось предметом его изучения. В. К. Яцунский же почему-то не учитывает этого и трактует ленинское высказывание так, будто В. И. Ленин пишет здесь вообще о разложении крестьянства, независимо от времени и эпохи. Должно быть ясно также, что в данном случае В. И. Ленин говорит об условиях, когда процесс разложения проявился уже в полную силу, и ничего не пишет об условиях, в которых он протекал на ранних стадиях.

Нельзя признать удачной попытку В. К. Яцуна сослаться и на некоторые другие указания В. И. Ленина для подтверждения своего положения. Так, он пишет: «По вопросу о времени возникновения разложения крестьянства В. И. Ленин присоединился к наблюдениям А. И. Васильчикова и В. Орлова, которые относили начало этого процесса к пореформенной эпохе. В другом месте В. И. Ленин писал, что в 60—70-х годах „еще не обнаружилось так ярко разложение деревни“, как оно проявилось в последующие десятилетия»<sup>6</sup>. Ссылка на замечание В. И. Ленина о степени разложения крестьянства в 60—70-е годы XIX в. ничего не доказывает, так как из нее вовсе не следует, что до этого времени разложения не было. Кроме того, В. И. Ленин тут же писал, что в эти годы «еще так мало было сравнительно точных сведений об экономике деревни»<sup>7</sup>, т. е. вполне возможно, что при наличии большего количества точных данных о хозяйстве крестьян картина их разложения выглядела бы иной, более яркой.

Высказывание В. И. Ленина о работах А. И. Васильчикова и В. Орлова В. К. Яцунский дает в своем изложении. Приведем его в полном виде. «Указание на этот процесс (процесс разложения.— И. Б.) делалось в нашей литературе очень давно и очень часто. Например, еще г. Васильчиков, пользовавшийся трудами Валуевской комиссии, констатировал образование «сельского пролетариата» в России и «распадение крестьянского сословия» («Землевладение и земледелие», 1-е изд., т. I, гл. IX). Указывал на этот факт и В. Орлов («Сборник стат. свед. по Московской губ.», т. IV, в. I, стр. 14) и многие другие. Но все эти указания оставались совершенно отрывочными. Никогда не делалось попытки систематически изучить это явление, и потому, несмотря на богатейшие данные земско-статистических подворных переписей, мы и по сию пору имеем недостаточно сведений об этом явлении»<sup>8</sup>. Очевидно, что толковать приведенное высказывание так, как В. К. Яцунский, будет явной натяжкой. В. И. Ленин отмечает здесь лишь констатацию А. И. Васильчиковым, В. Орловым и другими фактов разложения крестьянства в пореформенный период и ничего не говорит о времени, к которому относится его начало. Показательно, что В. И. Ленин подчеркивает отрывочность сведений об этом процессе в названных работах, а также вообще недостаточную его изученность. Между прочим, ничего не пишет о времени зарождения капиталистического разложения крестьянства и В. Орлов, посвятивший свое исследование формам крестьянского землепользования в 70-е годы XIX в. На странице, которую указывает В. И. Ленин, говорится лишь о том, что бедные крестьяне забрасывают свои земельные наделы и сдают их в аренду богачам-соседям, которые, помимо своей земли, обрабатывают еще 5—10 арендованных

<sup>3</sup> В. К. Яцунский. Еще к вопросу о возникновении капиталистического расслоения..., стр. 122.

<sup>4</sup> Там же, стр. 125.

<sup>5</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 164.

<sup>6</sup> В. К. Яцунский. Еще к вопросу о возникновении капиталистического расслоения..., стр. 122.

<sup>7</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 263.

<sup>8</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 165—166.

душевых наделов<sup>9</sup>. В IX главе книги А. И. Васильчикова есть указание на появление сельского пролетариата именно в пореформенное время. Однако необходимо иметь в виду, что в предыдущих главах, в которых рассматривается землевладение дореформенного периода, автор исследовал только юридическую сторону явлений, притом в самой общей форме, и, по существу, совсем не касался экономики крестьянского хозяйства<sup>10</sup>. Поэтому утверждение А. И. Васильчикова о начале разложения крестьянства лишь после 1861 г. нельзя признать достаточно авторитетным.

Таким образом, главный тезис В. К. Яцунского не находит подтверждения в высказываниях В. И. Ленина. Между тем в ленинской концепции капиталистического разложения крестьянства действительно имеется одно очень важное положение, содержащее вполне определенное указание на тот исторический период и на те условия, при которых начинается этот процесс. Оно сформулировано В. И. Лениным в выводах ко II главе «Развития капитализма в России», главе, в которой исследуется именно сельскохозяйственное крестьянство. Известно, что это положение основывается на теории К. Маркса о генезисе капиталистической земельной ренты, развитой им в 47-й главе III тома «Капитала». Вот это положение: «Итак, еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения»<sup>11</sup>. (Везде подчеркнуто мной.— И. Б.). Следовательно, не при господстве товарного хозяйства, как утверждает В. К. Яцунский, а задолго до него, еще при господстве натурального хозяйства и натуральной ренты появляются зачатки капиталистического разложения крестьянства. Важно отметить также, что В. И. Ленин говорит здесь не просто о зачатках, которые не имели будущего, а о таких зачатках, которые являлись началом процесса разложения. Это вполне следует из дальнейших рассуждений В. И. Ленина: «развиться эти зачатки могут только при следующей форме ренты, при *денежной ренте*»<sup>12</sup>. Приведенные положения В. И. Ленина, конечно, хорошо известны В. К. Яцунскому. Однако во всех статьях, специально написанных им на интересующую всех нас тему, они почему-то игнорируются.

Нужно сказать также, что нам не совсем ясно, как можно совместить утверждение В. К. Яцунского о возможности разложения только при господстве товарного производства, т. е. при капитализме, с его же выводом о том, что зачатки разложения можно уже наблюдать в первой половине XIX в., до реформы 1861 г., когда не было еще этих условий. Правда, он явно преуменьшает степень разложения сельскохозяйственного крестьянства накануне отмены крепостного права, отмечая, что оно имело место в основном на окраинах страны (Новороссия, Заволжье, Прибалтика). Например, В. К. Яцунский почему-то совсем не принимает в расчет данные о разложении государственных крестьян в центральных губерниях, приведенные в работе Н. М. Дружинина<sup>13</sup>. О глубоком проникновении капиталистических отношений в крестьянское хозяйство свидетельствуют и данные о количестве вольнонаемных рабочих, занятых в сельскохозяйственном производстве, которые приводит А. Г. Рашин и с которыми в основном согласен В. К. Яцунский<sup>14</sup>. Общую численность лиц наемного труда в России накануне реформы 1861 г. А. Г. Рашин определяет в 3 960 000 человек, из них 700 000 человек, т. е. около 18%, были сельскохозяйственными рабочими<sup>15</sup>. Даже если согласиться с В. К. Яцунским, что количество сельскохозяйственных рабочих А. Г. Рашиным преувеличено, и они составляли, например, только 15% от общего числа наемных рабочих, то и тогда это будет не такая уж малая цифра. Для сравнения укажем, что на конец XIX в. В. И. Ленин исчислял количество наемных рабочих в 10 млн. человек, из которых 3,5 млн. или несколько более 30%, являлись сельскохозяйственными рабочими<sup>16</sup>. Таким образом, в пореформенный период, т. е.

<sup>9</sup> «Сборник статистических сведений по Московской губ.», М., 1879, т. IV, вып. 1, стр. 14.

<sup>10</sup> А. И. Васильчиков. Землевладение и земледелие, СПб., 1876, т. I, гл. IX.

<sup>11</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 167.

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, М., 1958, т. II, гл. IV.

<sup>14</sup> В. К. Яцунский. Основные этапы генезиса капитализма в России. «История СССР», 1958, № 5, стр. 87—88.

<sup>15</sup> А. Г. Рашин. К вопросу о формировании рабочего класса в России в 30—50-х годах XIX в. «Исторические записки», т. 53, стр. 144—193.

<sup>16</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 582.

за время наиболее интенсивного разложения крестьянства, численность сельскохозяйственных рабочих относительно выросла лишь в два раза.

Небезынтересно выяснить, как же представляет себе В. К. Яцунский те факторы, которые в эпоху господства капитализма вызывают разложение крестьянства. Перечислив причины, создающие хозяйственное неравенство среди крестьян при феодализме, и отметив, что в условиях капитализма их действие не прекращается, он пишет: «Но, помимо них, начинают действовать новые мощные силы, свойственные капитализму». Что же это за силы? Основная из них — рост промышленности в городе и в деревне, ведущий к увеличению спроса на сельскохозяйственные продукты, что, с одной стороны, создает особо благоприятные условия для расширения зажиточными крестьянами своего хозяйства (аренда земли, наем рабочих и т. д.), а с другой, побуждает часть середняков и бедняков свертывать, а то и совсем забрасывать свое хозяйство и искать работы у богатых. В результате этих взаимно связанных процессов численность зажиточных хозяйств и особенно их удельный вес в крестьянском земледелии и скотоводстве увеличивается. Численность бедняков также растет, но их доля в сельскохозяйственном производстве уменьшается. В итоге «хозяйственное неравенство начинает переходить в капиталистическое разложение земледельческого крестьянства»<sup>17</sup>. Но спрашивается, разве на ранних этапах развития капитализма, которое сам В. К. Яцунский относит к XVII—XVIII вв., не было роста промышленности и соответствующего ему увеличения спроса на сельскохозяйственные продукты? Созершено очевидно, что было, а потому и перерастание хозяйственного неравенства в капиталистическое разложение земледельческого крестьянства, к которому, по мнению В. К. Яцуцкого, это приводило, мы вправе искать в более раннее время, чем он. Конечно, указанные явления тогда не проступали так явно, как в период развитого капитализма, другими были и их масштабы, но это уже другой вопрос. Ведь спор идет, главным образом, не о размерах капиталистического разложения земледельческого крестьянства, а о времени его зарождения, что признает и сам В. К. Яцунский, указывая, что «основное разногласие лежит в плоскости датировки начала капиталистического расслоения земледельческого крестьянства»<sup>18</sup>.

Второй тезис, занимающий важное место в концепции В. К. Яцуцкого, сводится к тому, что капиталистическое разложение среди земледельческих крестьян начинается значительно позднее по сравнению с разложением промышленного крестьянства. «При изучении расслоения деревни,— пишет он,— необходимо четко различать неравенство и расслоение в сфере сельского хозяйства и эти же явления среди сельских ремесленников и кустарей. У последних капиталистические отношения начинают складываться гораздо раньше, чем в земледелии. Это не значит, конечно, что сельское хозяйство и внеземледельческие промыслы не имели между собой никакой хозяйственной связи. На связь формирования капиталистических отношений в земледелии с их развитием в кустарных промыслах указывал В. И. Ленин, посвятивший этой связи специальный параграф своего труда «Развитие капитализма в России». Но он же рассматривал развитие капитализма в сельском хозяйстве и его формирование в кустарных промыслах в отдельных главах. Его авторитетный пример рекомендует именно такой способ изучения проблемы. На фактах развития капиталистических отношений среди крестьян-кустарей можно доказывать развитие капитализма в деревне в широком смысле слова, но не развитие капитализма в сельскохозяйственном производстве»<sup>19</sup>. Из приведенного высказывания вытекает, что развитие капитализма в сельскохозяйственном производстве В. К. Яцунский связывает только с разложением земледельческого крестьянства и, с другой стороны, разложение промышленного крестьянства — только с развитием капиталистической промышленности. Фраза о связи формирования капиталистических отношений в земледелии с их развитием в кустарных промыслах на деле ничего не меняет, поскольку В. К. Яцунский просто отмечает это указание В. И. Ленина, но не раскрывает его, не показывает существа этих связей, в чем и как они проявлялись. Возникает также вопрос, какое содержание надо вкладывать в понятия «сельская буржуазия» и «сельский пролетариат». Если следовать логике рассуждений В. К. Яцуцкого, то, видимо, нужно полагать,

<sup>17</sup> В. К. Яцунский. Генезис капитализма., стр. 34—35.

<sup>18</sup> В. К. Яцунский. Еще к вопросу о возникновении капиталистического расслоения., стр. 121.

<sup>19</sup> В. К. Яцунский. Генезис капитализма., стр. 35; его же. Еще к вопросу о возникновении капиталистического расслоения, стр. 127.

что сельская буржуазия и сельский пролетариат, образующиеся в процессе разложения земледельческих крестьян, занимаются только сельским хозяйством. В свою очередь, в ходе разложения промыслового крестьянства появляются лишь капиталисты-промышленники и наемные рабочие, не связанные с земледелием. С этим вопросом тесно связана и вся проблема рынка рабочей силы для капиталистической промышленности.

Посмотрим же, как понимает все эти вопросы В. И. Ленин в своем произведении «Развитие капитализма в России».

На протяжении всей II главы, в которой исследуется капиталистическое разложение земледельческих крестьян, В. И. Ленин неоднократно подчеркивает их связь с промышленными занятиями. Рассмотрим вначале эту связь в группе зажиточных хозяев. Изучая бюджет земледельческого крестьянина, В. И. Ленин приходит к выводу, что доход богатых дворов от промышленных предприятий нередко значительно выше доходов от земледелия, и поэтому, замечает он, очень важно соединять группировку крестьянских хозяйств по размеру и виду земледельческого хозяйства с группировкой их по размеру и типу „промышленного“ хозяйства»<sup>20</sup>. Характеризуя в выводах по главе сельскую буржуазию как один из типов сельского населения, В. И. Ленин писал: «Сюда относятся самостоятельные хозяева, ведущие торговое земледелие во всех его разнообразных формах..., затем владельцы торгово-промышленных заведений, хозяева торговых предприятий и т. п. Соединение торгового земледелия с торгово-промышленными предприятиями есть специфически свойственный *этому* крестьянству вид „соединения земледелия с промыслами“»<sup>21</sup>.

Обратимся к другой категории сельского населения — промысловому крестьянству и выясним, как шло его разложение и что представляла из себя зажиточная верхушка здесь. Уже в первой своей специальной работе о кустарной промышленности, написанной по материалам Пермской губернии, В. И. Ленин делает выводы о том, что сельские кустари тесно связаны с земледелием, а их разложение как промышленников и как земледельцев идет одновременно. Он отмечал: «Разложение кустарей в промышленности идет рука об руку с разложением тех же крестьян (подчеркнуто мной.— И. Б.) как земледельцев», «среди кустарей-земледельцев констатируется разложение, параллельное разложению промышленников»<sup>22</sup>. В V главе «Развития капитализма в России», в которой анализируется разложение промыслового крестьянства, В. И. Ленин развивает эти выводы. На первоначальных стадиях развития капитализма промышленник только еще начинает дифференцироваться от крестьянина; чем выше стоит крестьянин по размеру своего промыслового хозяйства, тем выше он и как земледelec. «Таким образом,— писал В. И. Ленин,— промышленники-хозяева принадлежат к очень «исправным» земледельцам, т. е. к представителям крестьянской буржуазии... Чем состоятельнее промышленники, тем чаще среди них встречаются сельские предприниматели. Анализ данных о промысловом крестьянстве показывает, следовательно, ту же картину параллельного разложения и в промышленности и в земледелии, которую мы видели во II главе на основании данных о земледельческом крестьянстве»<sup>23</sup>.

Теперь рассмотрим сельский пролетариат — тех, кто образует второй полюс в процессе разложения земледельческого крестьянства. Сельский пролетариат, по словам В. И. Ленина, это «класс наемных рабочих с наделом. Сюда входит неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельное, но типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный рабочий или иной рабочий с наделом»<sup>24</sup>. В данном определении, как мы видим, В. И. Ленин подчеркивает тот момент, что сельский пролетариат еще не порвал с землей, что, наряду с продажей своей рабочей силы, он ведет еще и свое крестьянское хозяйство. Нам бы хотелось отметить и другую сторону. Из ленинской характеристики совершенно ясно, что сельский пролетариат составляют не только рабочие, занятые в земледелии, но также и те, кто работает в промышленности. На этот момент В. И. Ленин постоянно обращал внимание при анализе фактического материала о земледельческом крестьянстве. Критикуя группировку крестьянских хозяйств по батракам в земских сборниках Воронежской губернии, В. И. Ленин отмечал: «группа хозяйств, отпускающих батраков, далеко

<sup>20</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 154.

<sup>21</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 169.

<sup>22</sup> В. И. Ленин ПСС, т. 2, стр. 350, 365.

<sup>23</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 369—370.

<sup>24</sup> Там же, стр. 170.

не обнимает всего сельского пролетариата, ибо в нее не входят хозяйства, отпускающие поденщиков, чернорабочих, фабрично-заводских рабочих, рабочих по строительным и земляным работам (подчеркнуто мной.—И. Б.), прислугу и т. д. Батраки составляют лишь часть наемных рабочих, поставляемых „крестьянством“»<sup>25</sup>.

Констатируя образование сельского пролетариата при разложении промышленного крестьянства, В. И. Ленин обращал внимание на то, что здесь крестьянская беднота становится не только промышленными наемными рабочими, но и сельскохозяйственными, что наемная работа в промышленности соединяется с наемной работой в земледелии<sup>26</sup>.

Как видим, сельскохозяйственное и промышленное крестьянство нельзя отгораживать друг от друга китайской стеной. В. И. Ленин рассматривает крестьянское хозяйство как единый производственный организм, в котором земледелие органически сочеталось с промышленными занятиями. Если так обстояло дело в пореформенный период, то еще более характерно такое сочетание было для ранних эпох. Это объясняется самим процессом отделения промышленности от земледелия. Как известно, полное отделение промышленности от земледелия производит только крупная машинная индустрия. На первых же этапах развития промышленности сельский кустарь, как правило, совмещает свою промышленную деятельность с земледелием, т. е. крестьянин-промышленник еще не отделился от крестьянина-земледельца и чаще всего это одно и то же лицо. Разница между ними лишь в том, что у первого промыслы начинают играть все более решающую роль в хозяйстве, а земледелие отходит на второй план, а у второго наоборот. Конечно, это вовсе не значит, что как в дореформенное, так и в пореформенное время не было крестьян, уже порвавших с земледелием и занимающихся только промышленной деятельностью, разумеется, были, но для большинства сельских кустарей было характерно именно соединение промышленных занятий с земледелием.

Отсюда вполне естественно следует, что капиталистическое разложение сельскохозяйственного и промышленного крестьянства нужно рассматривать как одновременный и параллельный процесс. Между прочим, в VII главе «Развития капитализма в России», подводя общие итоги развития капиталистических отношений в промышленности, В. И. Ленин вновь возвращается к этой мысли и пишет: «В мелком товарном производстве промышленник еще совершенно не вылутился из крестьянина; он остается в большинстве случаев земледельцем, и эта связь мелкой промышленности и мелкого земледелия настолько глубока, что мы наблюдаем интересный закон параллельного разложения мелких производителей в промышленности и в земледелии. Выделение мелкой буржуазии и наемных рабочих идет рука об руку в обеих областях народного хозяйства, подготавливая тем самым, на обоих полюсах разложения, разрыв промышленника с земледелием»<sup>27</sup>.

Одновременность и параллельность процесса разложения сельскохозяйственного и промышленного крестьянства надо понимать не только в том смысле, что в обеих группах он идет в одно и то же время. Особенно важно то, что в хозяйстве одних и тех же крестьян капиталистическими становятся одновременно обе его части — и земледелие и промысел. Поэтому нельзя, как это делает В. К. Яцунский, связывать развитие капиталистических отношений в сельскохозяйственном производстве только с разложением сельскохозяйственного крестьянства. Разложение промышленных крестьян, сельских кустарей также порождает их. В свою очередь, ростки промышленного капитализма возникают и в хозяйстве сельскохозяйственных крестьян. Сельская буржуазия в обеих группах крестьянства, как правило, соединяет в своем хозяйстве элементы и того и другого.

С другой стороны, для того, чтобы правильно судить о разложении сельскохозяйственных крестьян, необходимо учитывать и те слои сельского пролетариата, которые нашли применение в промышленности. Сельский пролетариат, выделившийся из среды промышленного крестьянства, также используется и в промышленности и в сельском хозяйстве.

Все сказанное вовсе не означает, что при изучении расслоения не надо отличать сельскохозяйственное крестьянство от промышленного. Можно и каждую из этих групп крестьян сделать предметом специального исследования. Нельзя только забывать, что промышленные и сельскохозяйственные занятия у них тесно переплетаются, что процесс капиталистического перерождения захватывает обе части их хозяйства и идет одновременно.

<sup>25</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 106.

<sup>26</sup> Там же, стр. 379—380.

<sup>27</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 546.

Со всеми этими вопросами тесно связана и проблема формирования рынка рабочей силы для капиталистической промышленности. В. К. Яцунский признает, что ростки капитализма в сфере промышленного производства появляются в России в XVII в., а в конце XVIII в. в промышленности начинает складываться капиталистический уклад<sup>28</sup>. Как же он решает вопрос о рабочей силе для растущей капиталистической промышленности? Основным источником наемного труда для народного хозяйства России XVI—XVII вв., пишет он, были посадская беднота и крестьянство, в том числе крестьяне-оборочники, уходившие на заработки по отпускным письмам своих помещиков (сведения о них имеются для второй половины XVII в.). В XVIII — первой половине XIX в. вольнонаемными рабочими на капиталистических предприятиях были в большинстве своем помещичьи оброчные и частично государственные крестьяне<sup>29</sup>. Но, приводя эти в общем-то верные наблюдения, В. К. Яцунский не анализирует их, не ставит вопроса о том, была ли связь между разложением крестьянства и формированием рабочей силы для промышленности. Мы считаем, что основная масса вольнонаемных рабочих была порождена разложением крестьянства. Отсюда, если вслед за В. К. Яцунским исходить из того, что разложение земледельческого крестьянства началось значительно позднее разложения промыслового крестьянства, во всяком случае никак не раньше первой половины XIX в., то, очевидно, придется признать, что крестьяне-оборочники, о которых он говорит как о рабочих капиталистических предприятий XVII—XVIII вв., были в основном выходцами из среды промыслового крестьянства. Сам В. К. Яцунский, правда, не делает такого вывода, но он вполне вытекает из всех его положений. Однако, как хорошо известно, это не так. Вольнонаемная рабочая сила для крупных и мелких капиталистических заведений, особенно в XVIII в., рекрутировалась из среды не только сельских кустарей, но и земледельческих крестьян<sup>30</sup>. Поэтому уже сам факт превращения их в рабочих капиталистической промышленности свидетельствует о разложении как промыслового, так и земледельческого крестьянства.

На Московской сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, выступая по докладу В. К. Яцунского «Генезис капитализма в сельском хозяйстве России», В. И. Шунков совершенно справедливо сказал: «Слабостью некоторых построений Виктора Корнелевича явилось то, что он попытался процесс капитализации сельского хозяйства в России рассматривать в полном отрешении от истории промышленности и кустарных промыслов. Это, мне кажется, неверно ни в плане теоретическом, ни в плане конкретно-историческом». В заключительном слове, отвечая на это и другие подобные замечания, В. К. Яцунский пытался свести существо их лишь к отсутствию в докладе широкого народнохозяйственного фона<sup>31</sup>. Но, как мы видим, дело не в фоне, а в неправильном понимании им процесса взаимодействия развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве с развитием капитализма в промышленности. Оно никак не согласуется с ленинским пониманием этих вопросов. Можно возразить, что В. И. Ленин исследовал их на материале о пореформенном крестьянстве России. Однако, как признает и сам В. К. Яцунский, наиболее общие, основные положения В. И. Ленина, а речь идет именно о них, вполне применимы к истории крестьянства и дореформенной эпохи.

Остановимся на некоторых понятиях, используемых в литературе для характеристики социальной структуры крестьянства. Можно считать, что в настоящее время исследователи пришли к вполне единодушному мнению о том, что имущественные различия среди крестьянства нужно строго отличать от более глубоких, социальных изменений, свидетельствующих о его капиталистическом перерождении. Если имущественная дифференциация сводится к различиям количественным, то капиталистическое разложение представляет уже различия качественные<sup>32</sup>. На стадии имущественного неравенства крестьянство представляет собой единый в социальном отношении класс, подвергающий-

<sup>28</sup> В. К. Яцунский. Основные этапы..., стр. 90—91.

<sup>29</sup> В. К. Яцунский. Основные этапы..., стр. 63, 67, 88; Е го же. Генезис капитализма..., 48.

<sup>30</sup> Е. И. Заозерская. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60 гг. XVIII в., М., 1960; А. П. Дорошенко. Рабочая сила в указной легкой промышленности Москвы в 1730—1760 гг. «История СССР», 1958, № 5, и др.

<sup>31</sup> «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1959 г.», стр. 351, 361.

<sup>32</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 35.

ся феодальной эксплуатации (мы оставляем в стороне социальные различия, определяемые развитием самого феодального строя, — правовые, переход крестьян в другие условия феодального общества и т. д.). С началом же капиталистического разложения внутри крестьянства зарождаются группы с качественно новыми социальными признаками — сельская буржуазия и сельский пролетариат, для которых характерен уже не феодальный, а капиталистический способ эксплуатации. Встает вопрос, можно ли весь период разложения подразделить на какие-то отдельные внутренние этапы? Е. И. Индова, А. А. Преображенский и Ю. А. Тихонов, авторы коллективной статьи, открывшей дискуссию на страницах журнала «История СССР», справедливо считают, что можно. Они предлагают весь дореформенный период разложения крестьянства с XVII до середины XIX в. называть временем буржуазного расслоения, указывая, что «по своей сущности расслоение представляет в зародышевой форме буржуазное, капиталистическое разложение крестьянства»<sup>33</sup>. Его отличие, по нашему мнению, от капиталистического разложения в пореформенную эпоху состояло в том, что оно протекало в других условиях, при господстве феодализма и крепостнической зависимости крестьянства от помещика, при неполном развитии товарного производства и капитализма. Все это, естественно, задерживало, тормозило процесс разложения, и поэтому его масштабы были еще сравнительно невелики, при этом новые зарождающиеся социальные слои находились еще в личной зависимости от феодала. В пореформенной России, когда крепостное право было ликвидировано, когда товарное производство и капиталистические отношения стали господствующими, процесс разложения захватывает уже подавляющую массу крестьянства, которое перестает существовать как единый класс.

В. К. Яцунский критикует их предложение, заявляя, что мы нигде не найдем у В. И. Ленина утверждения, что «разложению крестьянства предшествовал подготовительный период его буржуазного расслоения, длившийся более двух веков»<sup>34</sup>. Действительно, такого прямого утверждения мы не найдем у В. И. Ленина. Однако мы хорошо знаем его указание на появление зачатков разложения в период продуктовой ренты, еще при господстве натурального хозяйства. А от господства последнего до господства капитализма и товарного хозяйства, когда разложение проявится в полную силу, должны пройти не десятилетия, а именно века. Очень важные указания для решения этого вопроса содержатся в 24-й главе I тома «Капитала», в которой К. Маркс исследовал генезис капиталистических фермеров. Он подчеркивал, что формирование класса капиталистических фермеров — это медленный и длительный процесс, протекающий через многие столетия. Рассматривая этот процесс на примере Англии, К. Маркс относит его начало к XIV в.<sup>35</sup> Все это, думается, служит достаточно убедительным основанием для выделения этапа капиталистического расслоения, понимая его как время появления зачатков разложения и их постепенного развития и усиления, о которых и писал В. И. Ленин. Хотя В. К. Яцунский критикует названную точку зрения, но позиция его самого в данном вопросе, по существу, очень близка к ней. Он отмечает, как уже говорилось, довольно раннее расслоение промыслового крестьянства и, видимо, не возражает против отнесения его начала к XVII в. Тем самым В. К. Яцунский признает, что расслоение его продолжалось не менее двух веков. Кстати, не возражает он, видимо, и против самого термина «капиталистическое расслоение», поскольку довольно широко пользуется им в своих работах. Все дело в земельно-крестьянских, начало расслоения которых авторы коллективной статьи относят к XVII в., а В. К. Яцунский — к первой половине XIX в. Но и здесь различие лишь в определении продолжительности этапа расслоения.

Для подкрепления своих взглядов В. К. Яцунский использует также исследования других ученых, изучавших, в частности, историю западноевропейского крестьянства. Мы не будем останавливаться на всех этих работах, но хотим обратить внимание на то, как он передает содержание некоторых из них. Например, В. К. Яцунский ссылается на монографию Е. А. Косминского «Исследования по аграрной истории Англии XIII в.». Он приводит из нее ряд цитат, в которых автор говорит о наемном труде в английской

<sup>33</sup> Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 82.

<sup>34</sup> В. К. Яцунский. Еще к вопросу о возникновении капиталистического расслоения..., стр. 122.

<sup>35</sup> К. Маркс. Капитал, 1955, т. I, стр. 746.

деревне XIII в., констатирует наличие глубокой хозяйственной дифференциации среди английского крестьянства и отмечает, что все это не свидетельствует о капиталистическом перерождении деревни<sup>36</sup>. Тем самым у читателя, не знакомого с работой Е. А. Косминского, создается впечатление, что в ней ни о каком капиталистическом расслоении крестьянства нет и речи. На самом деле это не так. Действительно, Е. А. Косминский пишет, и совершенно правильно, что нельзя всякое хозяйственное неравенство рассматривать как буржуазное разложение крестьянства, поскольку оно может возникнуть еще в дофеодальном обществе. Говорит он и о том, что нельзя любой наемный труд квалифицировать как капиталистический, так как он может носить характер феодального найма. Все эти положения Е. А. Косминский использует в борьбе против буржуазной историографии<sup>37</sup>. Однако буквально через всю его книгу проходит и другая мысль — мысль о том, что наряду с имущественной дифференциацией среди английского крестьянства XIII в. начинает проявляться и социальное разложение.

Уже в первой, историографической главе Е. А. Косминский пишет: «Еще меньше нас должно смущать то обстоятельство, что в феодальной формации... имеются значительные пережитки прежних дофеодальных отношений и зародыши новых, капиталистических. Мы увидим, что в Англии XIII в. и те и другие играли весьма существенную роль и во многом определяли особенности английского феодализма»<sup>38</sup>. В дальнейшем автор приходит к выводу, что в условиях развивающегося товарного производства и преобладания денежной ренты феодальные отношения начинают разлагаться и среди крестьянства становятся заметными изменения не только чисто имущественного, но и более глубокого, социального порядка, в нем начинается процесс социального расслоения, которому в книге посвящена отдельная пятая глава.

Почти в самом ее начале Е. А. Косминский делает следующее замечание: «В предшествующей главе было показано, что количественно денежная рента являлась преобладающей в Англии XIII в... Развитие денежной ренты предполагает наличие значительного социального расслоения крестьянства. Это расслоение весьма значительно в среде английского крестьянства, как крепостного, так и свободного в XIII в.»<sup>39</sup>. Переходя затем к анализу фактического материала о землевладении и землепользовании крепостных крестьян — вилланов, автор отмечает, что если исходить только из размеров наделной земли, то наблюдается, при значительном отсоединении малоземельного крестьянства, сравнительно слабое развитие крестьянской верхушки. Однако ее действительное землепользование было гораздо большим, поскольку она сосредоточивала в своих руках большое количество арендной и купчей земли. Отсюда он делает общий вывод о том, что дифференциация крестьянства под влиянием роста товарного хозяйства идет не по линии наделной земли, а по линии покупки и аренды земли. Для сравнения Е. А. Косминский приводит тут же данные о землевладении крестьян Днепровского уезда Таврической губернии из «Развития капитализма в России» и выводы В. И. Ленина об этом явлении и пишет: «Не имея никакого желания делать сближения между русской деревней после отмены крепостного права и английской крепостной вотчиной XIII в., я считаю весьма вероятным, что развитие английской деревни начинало двигаться по тому же направлению» (подчеркнуто мной. — И. Б.). Основания для такого предположения уже приводились». Рассматривая процесс социального расслоения среди свободных крестьян — фригольдеров, Е. А. Косминский считает, что здесь он идет быстрее, создает особенно благоприятные условия для образования слоя зажиточных крестьян<sup>40</sup>.

Важное место в работе Е. А. Косминского занимает вопрос о рабочей силе. Он вносит серьезные поправки в традиционные представления о господстве крепостного труда в английской феодальной вотчине XIII в. Автор констатирует образование слоя сельскохозяйственных рабочих, являющихся в большинстве своем малоземельными крестьянами, нанимающимися на сезонные работы. Давая социальную характеристику наемного рабочего той эпохи, он подчеркивает, что в значительной мере она определялась еще господством феодального способа производства. Вместе с тем, пишет Е. А. Косминский,

<sup>36</sup> В. К. Яцунский. Генезис капитализма., стр. 31.

<sup>37</sup> Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в., М.—Л., 1947, стр. 265—268.

<sup>38</sup> Там же, стр. 42.

<sup>39</sup> Е. А. Косминский. Указ. соч., стр. 264.

<sup>40</sup> Там же, стр. 269—272, 273—274, 281.

можно уже говорить и о начале развития наемного труда в прямом смысле, который включает «в себе элементы капиталистической эксплуатации». Однако тут же, предупреждая от переоценки указанных явлений, он отмечает, что «в Англии в XIII в. можно говорить лишь о зарождении нового способа производства», что «наемный труд в собственном смысле слова лишь зарождается»<sup>41</sup>.

Итак, в книге Е. А. Косминского совершенно ясно говорится не только об имущественной дифференциации английского крестьянства, но и о довольно раннем начале его буржуазного расслоения, еще в XIII в., т. е. задолго до господства товарного хозяйства и утверждения капитализма в Англии. Таким образом, исследование Е. А. Косминского не подтверждает, а наоборот, опровергает общую концепцию В. К. Яцунского.

Особую позицию в дискуссии занимает И. Д. Ковальченко. Наиболее развернуто она изложена им в дискуссионной статье, опубликованной журналом «История СССР». В статье много верного<sup>42</sup>. Однако целый ряд положений И. Д. Ковальченко вызывает и возражения.

Рассмотрим вначале понимание им предпосылок и условий, необходимых для возникновения капиталистических отношений вообще, — как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Он правильно приводит здесь известное положение К. Маркса о том, что эти условия и предпосылки создаются поляризацией товарного рынка. На рынке должны появиться два очень различных, противоположного вида товаровладельца: с одной стороны, — собственник денег, средств производства и жизненных средств, которому требуется закупить чужую рабочую силу для дальнейшего увеличения присвоенной им суммы стоимости, с другой, — свободные рабочие, продавцы собственной рабочей силы, свободные не только юридически, но и в том смысле, что они свободны от средств производства, лишены их<sup>43</sup>. В этом суть поляризации товарного рынка, главной предпосылки для зарождения капитализма.

Как же протекал процесс поляризации товарного рынка, каковы были причины и факторы, которые вызвали и двигали его? И. Д. Ковальченко называет два таких главных фактора. В основе всего процесса поляризации рынка, по его мнению, лежало расслоение мелких товаропроизводителей под действием объективных экономических законов товарного производства. Но поскольку в этом случае процесс шел медленно и был длительным, что могло не соответствовать потребностям экономического развития общества, то начинал действовать другой фактор — так называемое первоначальное накопление с присущими ему насильственными методами экспроприации непосредственных производителей, которое ускоряло поляризацию рынка<sup>44</sup>. Думается, что с таким объяснением причин поляризации рынка нельзя полностью согласиться. Если следовать рассуждениям И. Д. Ковальченко, то выходит, что первоначальное накопление не является одной из общих закономерностей генезиса капитализма, как мы до сих пор считали, что в определенные исторические периоды развиваются такие формы капиталистического производства, которым предшествует не первоначальное накопление, а расслоение мелких товаропроизводителей (в качестве примера такой формы капиталистического производства И. Д. Ковальченко называет его рост из мелкого хозяйства). Такой вывод напрашивается потому, что в расслоении мелких товаропроизводителей он видит что-то отличное от первоначального накопления. Это отличие, по мнению И. Д. Ковальченко, заключается в том, что при первоначальном накоплении поляризация рынка идет более быстрыми темпами и с использованием насильственных методов. Но всегда ли первоначальное накопление проявляется в таких формах? К. Маркс писал: «В истории первоначального накопления составляют эпоху перевороты, которые служат рычагом для возникающего класса капиталистов, и прежде всего те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев»<sup>45</sup>. Из приведенного высказывания К. Маркса, кажется, ясно, что история первоначального накопления не сводится им только к таким эпохам и моментам, что в другие периоды первоначальное накопление может иметь другие масштабы

<sup>41</sup> Е. А. Косминский. Указ. соч., стр. 378—381.

<sup>42</sup> И. Д. Ковальченко. Некоторые вопросы генезиса капитализма в крестьянском хозяйстве России, 1962, № 6.

<sup>43</sup> К. Маркс. Капитал, 1955, т. I, стр. 719.

<sup>44</sup> И. Д. Ковальченко. Указ. соч., стр. 67—68.

<sup>45</sup> К. Маркс. Капитал, 1955, т. I, стр. 721.

и темпы, другими будут и его методы. Тут же К. Маркс отмечал, что в той классической форме, в какой он его описал, процесс первоначального накопления совершался только в Англии, которую он и брал в качестве примера, и что «его история в различных странах имеет различную окраску, пробегает различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи»<sup>46</sup>. Поэтому имущественное расслоение мелких товаропроизводителей под влиянием экономических законов товарного производства также можно считать одной из форм первоначального накопления, хотя протекает оно здесь медленно, размеры его не всегда велики, а насильственные методы не проступают так явственно. Таким образом, поляризация товарного рынка, являющаяся необходимой предпосылкой и условием капиталистического способа производства, создается в процессе так называемого первоначального накопления, приобретающего различные формы.

Переходя к вопросу о расслоении крестьянства, И. Д. Ковальченко исходит из того, что в истории этого явления было три качественно отличных друг от друга этапа, каждый из которых соответствовал определенному периоду в развитии крестьянского хозяйства и экономики страны в целом<sup>47</sup>.

На первом этапе расслоение характеризуется наличием среди крестьян имущественного и хозяйственного неравенства, или, как называет его еще И. Д. Ковальченко, это было феодальное расслоение. Оно соответствовало тому периоду, когда крестьянское хозяйство носило натуральный характер, когда имевшееся в это время в стране товарное производство еще не затрагивало его, а поэтому не определяло и характера расслоения<sup>48</sup>. Думается, что выделение такой формы расслоения имеет под собой некоторые основания. Не следует только преувеличивать степень и глубину его. Как известно, К. Маркс писал, что это было время, когда «хозяйственные единицы могли существовать веками, не изменяясь ни по характеру, ни по величине»<sup>49</sup>. В свою очередь В. И. Ленин отмечал: «Сначала мы имеем натуральных производителей, крестьян, сравнительно однородных (подчеркнуто мной.— И. Б.). Проникновение товарного производства ставит богатство отдельного двора в зависимость от рынка, создавая, таким образом, путем рыночных колебаний неравенство и обостряя его, сосредоточивая у одних в руках свободные деньги и разоряя других. Эти деньги служат, естественно, для эксплуатации неимущих»<sup>50</sup>. Как видим, В. И. Ленин говорит об известной однородности натуральных производителей крестьян и связывает появление хозяйственного неравенства с проникновением в их хозяйство товарного производства.

Не следует переоценивать и значение имущественного неравенства среди крестьян, ведущих натуральное хозяйство. Оно не являлось непосредственной предпосылкой для зарождения капиталистических отношений в крестьянстве. В этой связи необходимо вспомнить другое известное ленинское положение, что «возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса» капиталистического разложения крестьянства<sup>51</sup>. О неравенстве каких крестьян идет здесь речь? Вряд ли можно сомневаться, что В. И. Ленин имеет в виду имущественное неравенство среди крестьян-товаропроизводителей, а не крестьян, ведущих еще натуральное хозяйство.

В свете сказанного вызывает сомнение и термин, предложенный И. Д. Ковальченко для обозначения этой формы расслоения («простое имущественное и хозяйственное неравенство»). Он, по существу, повторяет ленинское определение («имущественное неравенство»), которое относится к крестьянству с другим хозяйственным обликом, и поэтому может быть неправильно истолкован. Видимо, если и употреблять его, то нужно обязательно оговаривать, что речь идет об имущественном расслоении среди крестьян, ведущих натуральное хозяйство.

Другой термин — «феодальное расслоение» — также не совсем удачен, так как под феодальным расслоением можно понимать не только имущественное неравенство, но и наличие среди крестьян категорий, отличающихся юридическим положением, выделение из их среды представителей других сословий феодального общества и т. д.

<sup>46</sup> К. Маркс. Капитал, 1955, т. I, стр. 721.

<sup>47</sup> И. Д. Ковальченко. Указ. соч., стр. 70—80.

<sup>48</sup> Там же, стр. 71—73.

<sup>49</sup> К. Маркс. Капитал, 1955, т. III, стр. 807.

<sup>50</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. I, стр. 507—508.

<sup>51</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 166.

Второй этап расслоения крестьянства, который И. Д. Ковальченко называет экономическим или мелкотоварным расслоением, связывается им с развитием в крестьянском хозяйстве мелкотоварного производства и датируется временем примерно с середины XVII в. Это расслоение крестьян-товаропроизводителей, а не натуральных производителей, какое было раньше. Мелкое хозяйство, основанное на собственном труде, по-прежнему было основным источником получения средств у обеих групп крестьянства. Вместе с тем здесь уже имеет место эксплуатация наемного труда жилищным крестьянством и продажа рабочей силы беднейшим. Но поскольку ни то, ни другое еще не играло главной роли в их хозяйстве, крестьянство в социальном отношении оставалось единым, это не было еще капиталистическое расслоение. По мнению И. Д. Ковальченко, такая форма расслоения качественно отличается как от простого хозяйственного неравенства первого этапа, так и от капиталистического расслоения последующего, третьего этапа<sup>52</sup>.

Здесь И. Д. Ковальченко правильно подчеркивает значение факта превращения натурального крестьянского хозяйства в мелкотоварное, поскольку оно означало первый шаг на пути к капитализму. В этой связи хотелось бы отметить также выступление П. Г. Рындзюнского, призвавшего историков к более пристальному изучению мелкотоварного производства в промышленности и сельском хозяйстве<sup>53</sup>. Не следует забывать, что В. И. Ленин неоднократно указывал на важность превращения натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное в историческом развитии капитализма, призывал выделять и непременно учитывать те признаки, которые свидетельствовали о превращении земледелия из натурального в торговое<sup>54</sup>.

Но встает вопрос, насколько правомерно выделять расслоение крестьян-товаропроизводителей в особый, качественно отличный этап? Конечно, имущественное неравенство среди них нужно отличать от имущественного неравенства среди крестьян, ведущих натуральное хозяйство, в конкретных исследованиях этот момент обязательно нужно подчеркивать. Но ведь когда мы говорим о качественных сдвигах в процессе расслоения крестьянства, то имеем в виду прежде всего социальные различия, точнее — зарождение новых капиталистических отношений в их среде, чего при имущественном неравенстве, разумеется, еще не было. А раз так, то нельзя говорить и о качественном различии расслоения среди этих двух видов крестьян. Однако, как мы видели, к данному этапу И. Д. Ковальченко относит не только расслоение просто крестьян-товаропроизводителей, но и той части их, которая стала уже использовать в своем хозяйстве наемный труд: одни — нанимать рабочую силу, другие — продавать ее. Среди этой части крестьян-товаропроизводителей он также не видит никаких социальных различий, ссылаясь на то, что наем и продажа рабочей силы в их хозяйстве еще не играли основной роли. Но довод И. Д. Ковальченко представляется необубедительным, здесь, как нам кажется, уже можно говорить о начале капиталистического расслоения крестьянства. Ниже мы подробно остановимся на признаках и критериях, на основании которых можно судить о таком расслоении.

Таким образом, можно сказать, что расслоение крестьян-товаропроизводителей носит двойственный характер. Пока эти крестьяне не покупают и не продают рабочей силы, то расслоение их — это имущественное и хозяйственное неравенство, о котором писал В. И. Ленин. Когда же в их хозяйство начинает проникать наемный труд, то здесь мы имеем право говорить уже не о хозяйственном, а о буржуазном расслоении. Поэтому, думается, нет оснований и для выделения расслоения крестьян-товаропроизводителей в какой-то особый этап, а также нет необходимости и в особом его обозначении, предложенном И. Д. Ковальченко («экономическое или мелкотоварное расслоение»). И последнее. Если исходить из тех хронологических границ, которые он наметил для первых двух этапов расслоения, то неизвестно, куда следует отнести первую половину XVII в. — ей не нашлось места ни в том, ни в другом.

Важное значение имеет определение тех критериев, которыми нужно руководствоваться для установления наличия капиталистического разложения крестьянства. Отсутствие ясности в этом вопросе, а также различия в решении его являются одной из

<sup>52</sup> И. Д. Ковальченко. Указ. соч., стр. 73—75.

<sup>53</sup> П. Г. Рындзюнский. О мелкотоварном укладе в России XIX в. «История СССР», 1961, № 2.

<sup>54</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. I, стр. 87; т. 27, стр. 187—188.

главных причин резкого расхождения в определении начальных хронологических границ разложения, которые имеются в настоящее время.

Одни исследователи, например В. А. Голобуцкий, считают вполне достаточным показателем возникновения и развития буржуазных отношений, в том числе и в крестьянском хозяйстве, сам факт применения наемного труда в условиях развивающегося товарного производства<sup>55</sup>. И. Д. Ковальченко, как мы видели, исходит из того, что разложение крестьянства можно признать только с того момента, когда в хозяйстве обеих групп крестьян наемный труд начинает играть решающую роль. В. К. Яцунский, уделивший так много внимания проблеме разложения крестьянства, на вопрос о критериях и признаках разложения не дает ясного и четкого ответа. Судя по высказыванию о силах, свойственных капитализму и вызывающих разложение крестьянства (мы его приводили выше), показателем перерастания хозяйственного неравенства в капиталистическое разложение земледельческого крестьянства является, по мнению В. К. Яцунского, увеличение численности зажиточных хозяйств, значительный рост их удельного веса в крестьянском земледелии и скотоводстве, с одной стороны, и увеличение численности бедняков с одновременным уменьшением их доли в посевной площади и количестве скота в деревне — с другой<sup>56</sup>. В другом месте как о признаке разложения он говорит об увеличении применения крестьянами наемного труда для производства товарного хлеба<sup>57</sup>, но не уточняет, когда же эти количественные показатели начинают переходить в качественные, при каких масштабах применения наемного труда, при каком удельном весе богатых крестьян в сельскохозяйственном производстве имущественное неравенство начинает перерастать в капиталистическое разложение.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали, что капиталистическое производство — это товарное производство. Поэтому, когда мы говорим о капиталистическом разложении крестьянства, то очевидно, что хозяйство обеих групп крестьян, выделяющихся в процессе разложения, должно носить товарный характер. Но само по себе товарное хозяйство не есть капиталистическое. Для превращения его в таковое необходимо использование в нем наемной рабочей силы.

Однако в трактовке и понимании роли и характера наемного труда до сих пор остается немало спорного и неясного. Одним из моментов, требующих решения, является вопрос о том, всякий ли наем рабочей силы носит капиталистический характер. В. И. Ленин четко различал формы найма. Он противопоставлял «предпринимательский наем рабочих в крестьянстве» найму «из нужды, по недостатку семейных рабочих»<sup>58</sup>. Совершенно очевидно, что предпринимательский наем — это наем в товарном хозяйстве, владелец которого использует наемных рабочих с целью извлечения определенной прибыли. Такой наем является капиталистическим. Совсем другой характер носит наем из нужды по бедности и по недостатку семейных рабочих. Здесь, конечно, речь идет не об извлечении прибыли на основе расширения товарного хозяйства, а о поддержании пришедшего в упадок хозяйства. В литературе справедливо уже отмечалась необходимость отличать наем из нужды от капиталистического найма<sup>59</sup>.

Много споров вызывает вопрос о так называемом феодальном найме. На наш взгляд, было два основных вида такого найма. Одним из них был наем, возникающий в силу феодальной зависимости крестьян, когда они «нанимались» своим владельцем на работы, не входившие в круг их обычных повинностей, и получали за это соответствующее вознаграждение. (Были и другие формы такого найма. Они подробно рассматриваются, например, в работах Е. А. Косминского и В. А. Маркиной<sup>60</sup>.) Очевидно, что здесь наем представляет собой лишь видоизмененную форму феодальных обязанностей и не может считаться капиталистическим. Другим видом феодального найма является наем, в результате которого нанимающийся сразу или постепенно, в ходе

<sup>55</sup> В. А. Голобуцкий. О начале «нисходящей» стадии феодальной формации. «Вопросы истории», 1959, № 9, стр. 128—129.

<sup>56</sup> В. К. Яцунский. Генезис капитализма., стр. 34—35.

<sup>57</sup> Там же, стр. 46—47.

<sup>58</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 131.

<sup>59</sup> А. Л. Шапиро. Об имущественном неравенстве и социальном расслоении русского крестьянства в эпоху феодализма. «Вопросы генезиса капитализма в России», Л., 1960, стр. 51.

<sup>60</sup> Е. А. Косминский. Указ. соч., стр. 365—377; В. А. Маркина. Магнатское поместье Правобережной Украины второй половины XVIII в., Киев, 1961, стр. 127—152.

последующих сделок попадает в феодальную зависимость от нанимателя. Такой наймит с точки зрения феодального права рассматривается уже как неполноправное, феодально зависимое лицо по отношению к нанимателю.

В связи с этим вопросом большое значение приобретает правильное понимание известного высказывания В. И. Ленина о том, что развитие капитализма в сельском хозяйстве на ранних стадиях опутано кабальными отношениями, что «кабала... представляет из себя не что иное, как первоначальное проявление капитализма в земледелии»<sup>61</sup>. Мы считаем, что использовать это ленинское определение кабалы при изучении явлений дореформенной России нужно с большой осторожностью. Нельзя, например, в кабальных отношениях, широко распространенных в XVI—XVIII вв., всегда и при всех условиях видеть зародыш новых, капиталистических отношений. Прежде чем утверждать, что кабальные отношения скрывают явления капитализма, нужно, очевидно, вначале найти эти явления, показать, на основании каких признаков мы говорим о них. В. И. Ленин в данном случае такими признаками считал: товарное производство, монополизацию продукта общественного труда в форме денег, обращение этих денег в капитал<sup>62</sup>. В этом — главное, без таких признаков ни о каком капитализме, разумеется, не может быть и речи. Наконец, не следует забывать и о видах кабальных отношений, в чисто феодальной сущности которых, думается, ни у кого не может появиться сомнения. Мы имеем в виду прежде всего кабальное холопство, возникшее по служилой кабале. Все сказанное, конечно, не означает, что в дореформенную эпоху среди крестьянства не было капиталистических отношений, опутанных кабальной зависимостью. В. И. Ленин указывает, что такие формы капитала встречались в отдельных случаях и до капиталистических порядков, но как господствующая система отношений, как правило, они наблюдаются только в пореформенное время<sup>63</sup>.

При изучении найма, осложненного личной зависимостью, необходимо учитывать, что формы последней были очень разнообразны. Нам представляется, что если найм ведет к отношениям, которые, согласно феодальному праву, отраженному в законодательстве, рассматриваются как неполноправные, ставят нанимающегося в феодальную зависимость от нанимателя и оформляются соответствующими документами, то такой найм нельзя квалифицировать как капиталистический. С другой стороны, были и такие виды личной зависимости, которые, хотя и накладывали на наймита определенные обязательства, но не вели к потере им прав свободного человека. Чаще всего такие обязательства возникали в результате особой договоренности участников сделки и, как правило, не попадали в письменные документы, оформлявшие их отношения. Вполне правильно, думается, одним из показателей личной свободы нанимающегося считать, как это предлагает Н. В. Устюгов, сохранение им положения полноправного тягльца, несущего определенные государственные повинности<sup>64</sup>.

Таким образом, формы и виды найма могут быть различными. Одни из них носят капиталистический, другие — феодальный характер. Поэтому нельзя из одного факта наличия наемной рабочей силы делать заключение о возникновении капиталистических отношений. Необходим анализ отношений, возникающих в каждом случае.

Спорным до сих пор является вопрос о размерах наемного труда как одном из показателей зарождения капиталистического производства. Как мы уже видели, И. Д. Ковальченко исходит из того, что о капиталистическом расслоении крестьянства можно говорить лишь тогда, когда в хозяйстве крестьян-предпринимателей наемный труд начинает преобладать над семейным трудом, а в хозяйстве крестьян-бедняков продажа рабочей силы становится основным средством существования. Такая точка зрения, на наш взгляд, является ошибочной и уже встретила возражения в ходе дискуссии<sup>65</sup>. Кстати, И. Д. Ковальченко, по существу, не привел никаких доказательств в ее обоснование. Обратимся к высказываниям В. И. Ленина на этот счет.

<sup>61</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. I, стр. 509.

<sup>62</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. I, стр. 509, примечание.

<sup>63</sup> Там же.

<sup>64</sup> Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. (К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности), М., 1957, стр. 207—211.

<sup>65</sup> «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1960 г.», Киев, 1962, стр. 567 (см. выступление А. З. Бараболя).

При анализе конкретного фактического материала у В. И. Ленина действительно встречаются указания на преобладающую роль, которую стал играть наемный труд в хозяйстве обеих групп крестьян. Но когда он формулирует свои общие выводы, его характеристики более осторожны. Разделяя всю массу крестьян на три основные группы и характеризуя каждую из них, он пишет: «Нижшая группа — население неимущее и живущее главным образом или наполовину *продажей рабочей силы*... Наконец, высшая группа — зажиточные мелкие хозяева, эксплуатирующие более или менее значительное число батраков и поденщиков с наделом и всяких наемных рабочих вообще»<sup>66</sup>. Следовательно, к сельскому пролетариату В. И. Ленин относил не только живущих главным образом *продажей своей рабочей силы*, но и тех, у кого заработок от ее продажи составлял только половину всего дохода. О преобладании наемного труда над семейным у сельской буржуазии В. И. Ленин вообще здесь ничего не говорит, ограничившись общим указанием на его использование.

Классики марксизма-ленинизма, насколько нам известно, нигде не говорят об обязательном преобладании наемного труда над семейным как непрременном признаке капиталистических отношений. Они возникают и при большем и при меньшем употреблении наемной рабочей силы, поскольку тут важны «не абсолютные цифры, а *отношения*, вскрываемые ими, отношения, по существу своей буржуазные и не перестающие *быть таковыми* ни при сильно выраженной буржуазности, ни при выраженной слабо»<sup>67</sup>.

Заканчивая рассмотрение вопроса о критериях капиталистического разложения крестьянства, можно сказать, что свидетельством наличия его является мелкотоварное крестьянское производство, в котором применяется наемный труд. При этом наем рабочей силы должен носить характер свободной сделки между ее продавцом и покупателем. Размеры используемого наемного труда не имеют решающего значения для суждения о наличии капиталистических отношений. Феодальный наем рабочей силы не является показателем капиталистического производства, также как и применение наемного труда в натуральном хозяйстве, в хозяйстве обедневших крестьян.

Подводя итог вышесказанному, наши собственные взгляды на проблему капиталистического разложения крестьянства кратко можно изложить в следующем виде.

1. Зачатки капиталистического разложения как промыслового, так и земледельческого крестьянства появляются задолго до утверждения капитализма как формации и относятся к периоду господства натурального хозяйства и продуктовой (натуральной) ренты в стране.

2. Капиталистическому разложению крестьянства непосредственно предшествует имущественное или хозяйственное расслоение (неравенство) крестьян-товаропроизводителей, являющееся одной из форм так называемого первоначального накопления.

3. Признаком, свидетельствующим о начале разложения, является использование вольнонаемного труда, независимо от его размеров, в мелкотоварном крестьянском хозяйстве.

4. При изучении капиталистического разложения крестьянства необходимо учитывать, что на первых стадиях развития промышленности не происходит ее полного отделения от земледелия. Крестьянин-промышленник еще не отделился от крестьянина-земледельца, чаще всего это одно и то же лицо. Разница между ними лишь в том, что у одного в его хозяйстве более или менее преобладающее место заняла промышленная деятельность, а у другого — земледелие.

5. Сельская буржуазия и сельский пролетариат, образующиеся в процессе капиталистического разложения земледельческого крестьянства — это не только те слои, которые непосредственно заняты в сельскохозяйственном производстве. Значительная часть их соединяет земледелие с промышленными занятиями, а некоторые вообще порывают с сельским хозяйством и уходят в промышленность, одни в качестве наемных рабочих на капиталистические предприятия, другие — как владельцы таких предприятий. Поэтому, чтобы правильно судить о разложении земледельческого крестьянства, необходимо учитывать и те его элементы, которые перешли в промышленность.

6. В свою очередь сельская буржуазия и сельский пролетариат, появляющиеся в результате разложения промыслового крестьянства, соединяют свою промышленную

<sup>66</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 503.

<sup>67</sup> Там же, т. I, стр. 219.

деятельность с сельским хозяйством. Образование земледельческого капитализма идет и среди промыслового крестьянства.

7. Применительно к России весь период капиталистического разложения крестьянства можно разделить на два этапа. Первый этап — дореформенное время, когда процесс разложения начинается и постепенно, по мере развития капиталистического производства, усиливается. Его можно назвать этапом капиталистического или буржуазного расслоения. Господство феодализма тормозило процесс расслоения, вследствие чего формирование новых, капиталистических отношений идет медленно, охватывая длительный период времени. Второй этап относится к пореформенной эпохе — времени утверждения капитализма как формации. Это этап капиталистического разложения, когда оно захватило подавляющую массу сельского населения, когда крестьянство раскалывается на сельскую буржуазию и сельский пролетариат и перестает существовать как единый класс. Сущность обоих этапов капиталистического перерождения крестьянства одинакова, различия между ними заключаются лишь в глубине, масштабах и темпах процесса.

\* \* \*

На какой же период падает начало капиталистического расслоения крестьянства в России? Понятно, что рассмотренные выше положения содержат лишь общие указания на этот счет и конкретный ответ может дать только анализ фактического материала. Поскольку наибольшие споры вызывает вопрос о том, можно ли зарождение буржуазных отношений среди земледельческого крестьянства отнести к XVII — первой половине XVIII в., то мы остановимся только на нем. Однако прежде чем перейти к рассмотрению его, коротко остановимся на точке зрения тех, кто находит возможным видеть начало капиталистического расслоения крестьянства уже в XVI в.

Одной из последних работ, в которых делается попытка доказать зарождение буржуазных отношений в крестьянском хозяйстве XVI в., является книга Д. П. Маковского «Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке» (1960). В ней собран большой конкретный материал, однако выводы автора не подкрепляются им. Он показал довольно значительное имущественное неравенство среди крестьян, втягивание их в рыночные отношения, использование труда наймитов в некоторых отраслях хозяйства страны. Но автор не исследовал, какой характер носил наем рабочей силы, свободный или феодальный, в каком хозяйстве, товарном или натуральном, использовался он. В литературе уже отмечалось, что Д. П. Маковскому не удалось доказать наличие капиталистического расслоения крестьянства<sup>68</sup>, и мы присоединяемся к этому мнению.

Мы считаем, что зачатки капиталистического расслоения земледельческого крестьянства относятся примерно ко второй половине XVII в. Вступление феодализма в нисходящую стадию своего развития, одним из показателей которого была потеря некоторыми группами крестьян возможности простого воспроизводства<sup>69</sup>, достаточно высокий уровень товарного производства, послужившего основой складывания всероссийского рынка, развитие капиталистической промышленности — вот та почва, на которой в XVII в. могли появиться и появились первые ростки капиталистических отношений в земледельческом крестьянстве. Конкретные исследования подтверждают это.

Большую ценность в этом отношении представляет статья А. А. Преображенского<sup>70</sup>. Нужно отметить, что в адрес ее был сделан ряд критических замечаний, суть которых сводится к тому, что автор якобы не сумел обосновать свое положение о буржуазном расслоении крестьян Кунгурского уезда в конце XVII — начале XVIII в.

Так, В. К. Яцунский, признавая, что зажиточная верхушка кунгурской деревни занималась производством хлеба на продажу и пользовалась при этом наемным трудом,

<sup>68</sup> С. О. Шмидт. Вопросы истории России XVI в. в новой исторической литературе. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС», М., 1962, стр. 111; Рецензию Г. А. Новицкого и А. М. Сахарова на книгу Д. П. Маковского см. «История СССР», 1962, № 2, стр. 185—186.

<sup>69</sup> М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации. «Вопросы истории», 1958, № 7; Е же же. К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма. «Вопросы истории», 1963, № 12.

<sup>70</sup> А. А. Преображенский. О наемном труде в крестьянском хозяйстве на Урале в конце XVII — начале XVIII в. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», М., 1958.

вместе с тем считает, что «А. А. Преображенскому не удалось показать таких размеров и роли товарного производства, и в особенности наемного труда в крестьянском хозяйстве Кунгурского уезда, которые позволяли бы говорить о капиталистических отношениях»<sup>71</sup>. В. К. Яцунский и в данном случае не указывает, каковы же должны быть эти размеры товарного производства и наемного труда.

Н. Л. Рубинштейн, основываясь на том факте, что кунгурские крестьяне в значительной мере использовали наемный труд пришлых и беглых крестьян, находит, что «признаки социального расслоения надо было бы искать, очевидно, не в Кунгурском уезде, а на месте их первоначальной хозяйственной деятельности и в осуществлении последней»<sup>72</sup>. Замечание Н. Л. Рубинштейна могло бы быть принято, если бы оно было высказано как пожелание углубить исследование процесса расслоения. С отсутствием данных о прошлой хозяйственной деятельности крестьян мы нередко сталкиваемся, и, в частности, при изучении вольнонаемного труда на капиталистических мануфактурах. К сожалению, в большинстве случаев источники не позволяют осветить этот вопрос. Не было такой возможности и у А. А. Преображенского. Но от этого выводы его работы не становятся менее убедительными. Сельская буржуазия, а именно о ней прежде всего говорится в статье, зарождается независимо от того, труд местных или пришлых рабочих она эксплуатирует. Это во-первых. А во-вторых, автор специально подчеркивает, что кадры наемных работников рекрутировались не только из пришлых, но и из числа местных крестьян<sup>73</sup>. На наш взгляд, А. А. Преображенский вполне доказал наличие капиталистического расслоения среди русского и нерусского крестьянства Кунгурского уезда на рубеже XVII—XVIII вв. Приведенный им фактический материал показывает, что зажиточные крестьяне для производства товарного хлеба и других сельскохозяйственных продуктов использовали наемную рабочую силу. Имелось несколько видов работы по найму («срочная», поденщина, сезонная). Наем-продажа рабочей силы в основном носил характер свободной сделки. Об этом свидетельствует то, что в суде продавцы и покупатели рабочей силы выступали как равноправные стороны, что рабочие могли свободно уходить от своих хозяев, даже не закончив обусловленной работы. Устный характер договора, характерный для данной местности, также, думается, больше говорит о вольном, а не феодальном найме<sup>74</sup>.

Н. В. Устюгов в монографии «Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.» первый, пожалуй, с такой убедительностью доказал формирование капиталистических отношений в русской промышленности XVII в. Вместе с тем его работа является важным вкладом и в решение проблемы разложения земледельческого крестьянства. На большом фактическом материале в ней показано, что рабочая сила на соляных промыслах во второй половине XVII в. комплектовалась как из посадской бедноты, так и из местных крестьян. Поскольку их отношения с владельцами предприятий строились в основном на началах вольного найма, то они превращались в рабочих, подвергавшихся капиталистической эксплуатации. В работе рассмотрены и причины, заставлявшие черносошное крестьянство уходить на работу в промышленность: усиление фискального гнета, все более растущее имущественное неравенство и др. В результате крестьяне лишались земли и других средств производства и вынуждены были вставать на путь продажи своей рабочей силы. Все это с несомненностью свидетельствовало о начавшемся капиталистическом расслоении крестьянства Поморья. Его особенностью было то, что эксплуатация крестьянской рабочей силы осуществлялась не в сфере сельского хозяйства (Соликамский и некоторые другие уезды Поморья в силу природных условий были малопригодны для занятий земледелием), а преимущественно в области промышленности<sup>75</sup>.

Поэтому неубедительным выглядит утверждение В. К. Яцунского, что в работе Н. В. Устюгова не доказано наличие капиталистического расслоения крестьянства. Такое утверждение он обосновывает тем, что автор якобы не приводит в своей книге

<sup>71</sup> В. К. Яцунский. Еще к вопросу о возникновении капиталистического расслоения..., стр. 131.

<sup>72</sup> Н. Л. Рубинштейн. О разложении крестьянства и о так называемом первоначальном накоплении в России. «Вопросы истории», 1961, № 8, стр. 69—70.

<sup>73</sup> Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 79—80.

<sup>74</sup> А. А. Преображенский. Указ. соч., стр. 42—52.

<sup>75</sup> Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке, стр. 147—247.

«фактического материала, доказывающего отрыв крестьян от средств производства», а работники из крестьян, используемые в солеваренной промышленности, могли происходить или из непашенных крестьян, или из бедняков, не имевших собственного земельного хозяйства и живших до этого работой в других крестьянских хозяйствах<sup>76</sup>. На замечания В. К. Яцунского можно возразить следующее. Во-первых, не совсем ясно, кого он имеет в виду, когда говорит о «непашенных» крестьянах (промысловые крестьяне?) и деревенских бедняках. Ведь крестьяне, лишившиеся средств производства в процессе имущественной дифференциации, тоже бедняки. Во-вторых, и это главное, источники, которыми пользовался Н. В. Устюгов, говорят не просто об обедневших людях, а именно о крестьянах, пришедших на работу в солеваренную промышленность Соли Камской, и фактического материала о них в книге приведено достаточно много. Там, где это было возможно, Н. В. Устюгов приводит даже данные об отдельных лицах, забросивших свое пашенное хозяйство и пришедших работать в промышленность<sup>77</sup>. В. К. Яцунского, очевидно, не удовлетворяют приведенные автором факты, но тогда их нужно было бы раскритиковать, а не отрицать.

Нельзя также пройти мимо работ, которые, хотя и не позволяют говорить о капиталистическом расслоении земельного крестьянства, но вполне определенно свидетельствуют, что условия, почва для этого в XVII в. уже созрели.

Так, интересные данные о наемном труде в крестьянском хозяйстве, почерпнутые из архивов Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей и Вологодского архиерейского дома, приводит З. А. Огризко. Автор приходит к выводу, что сам факт наличия наемного труда в крестьянском хозяйстве является бесспорным, причем в отношениях между нанимателем и нанимающимся возникают черты вольного найма: определение платы, времени работы, наличие договоренности<sup>78</sup>. Правда, в статье остается невыясненным характер крестьянского хозяйства, в котором применялась наемная рабочая сила, но, пожалуй, можно согласиться с автором, что в первую очередь она использовалась крепкими, зажиточными крестьянами. Например, один из монастырских крестьян держал на оброке пустошь и для уборки сена нанимал косцов. Другой крестьянин ссылался, как на свидетелей, на двух братьев, которые у него «в то время работали и навоз носили». У третьего мы встречаем «казака», нанявшегося на треть года «всякую крестьянскую работу делать»<sup>79</sup>. Вряд ли мы имеем здесь дело с крестьянами, которые прибегали к найму рабочей силы из нужды. Конечно, при отсутствии вполне определенных свидетельств о том, что они вели товарное хозяйство, мы не можем назвать их представителями сельской буржуазии, но сделать такое предположение можно. Одновременно в статье приводятся факты о наемном труде, который никак не свидетельствовал о зарождении капиталистических отношений. К ним относится наем крестьянским миром лиц, в том числе своих односельчан, для выполнения различных общественных обязанностей в местных выборных органах, наем большими группами крестьян работников для отправления подводной повинности по доставке монастырских припасов. Сюда же, вероятно, следует отнести и наем «казака» вдовой<sup>80</sup>.

Ценные наблюдения содержит статья А. Н. Сахарова, опубликованная в ходе настоящей дискуссии. Используя свежий архивный материал, он утверждает, что крестьянская аренда земли в XVII в.— явление, широко распространенное в центральных районах страны. При этом в массе крестьян выделяются уже фигуры отдельных зажиточных хозяев, берущих на оброк крупные участки земли, имевших значительные хлебные излишки, которые продавались на рынке, дававших ссуды своим обедневшим односельчанам. Именно в хозяйстве этих крестьян, стремящихся к расширенному товарному воспроизводству, создавались условия для применения наемного труда, заключает А. Н. Сахаров<sup>81</sup>.

<sup>76</sup> См. рецензию В. К. Яцунского на работу Н. В. Устюгова («История СССР», 1958, № 1, стр. 195).

<sup>77</sup> Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 196—197.

<sup>78</sup> З. А. Огризко. Наемный труд в крестьянском хозяйстве XVII века. «Вопросы истории», 1953, № 10, стр. 89.

<sup>79</sup> Там же, стр. 89.

<sup>80</sup> Там же, стр. 87.

<sup>81</sup> А. Н. Сахаров. Роль аренды в крестьянском хозяйстве XVII в. «История СССР», 1964, № 1, стр. 91—93.

Работа К. Н. Щепетова посвящена главным образом расслоению промышленного крестьянства в вотчинах и поместьях князей Черкасских в Нижегородском и Суздальском уездах (села Иваново, Павлово, Ворсма и др.)<sup>82</sup>. Значительную часть сельского населения здесь составляли «непашенные крестьяне», т. е. те, кто уже порвал с земледелием и занимался исключительно промышленной деятельностью. Развитое мелкотоварное производство текстильных, металлических и других изделий (производство оружия по своей организации приближалось к мануфактуре децентрализованного типа) и довольно широкое применение наемного крестьянского труда (некоторые хозяева имели по 4—5 наемных работников) позволяет вполне обоснованно говорить о буржуазном расслоении промышленного крестьянства. Но нас интересует в данном случае не столько этот факт. Дело в том, что наряду с «непашенными» крестьянами в селах жило и «пашенное» население, которое занималось земледелием и скотоводством. Причем, как, например, в с. Павлово, численность «пашенных» крестьян на протяжении XVII в. и абсолютно и относительно росла более быстрыми темпами по сравнению с «непашенными». Среди них также уже выделяется прослойка крестьян, владевших не только значительным количеством земли, но и занимавшихся торговлей и промыслами<sup>83</sup>. Анализу их хозяйственной деятельности автор, к сожалению, уделил мало внимания. Между тем вполне допустимо предположить, что и они, по примеру своих уже порвавших с земледелием односельчан, вели мелкотоварное, в данном случае сельскохозяйственное производство с использованием наемной рабочей силы и, следовательно, находились на стадии капиталистического расслоения.

Капиталистическое расслоение земледельческих крестьян в первой половине XVIII в. очень ярко и убедительно показано в статье Е. И. Индовой на примере дворцовых крестьян Петербургской губернии<sup>84</sup>. Показательно, что Н. Л. Рубинштейн, относящий вообще-то эти явления ко второй половине XVIII в., признает, что Е. И. Индова проследживает первые зачаточные проявления расслоения уже во второй четверти XVIII в.<sup>85</sup> Достаточно обоснован вывод В. Н. Шерстобоева о том, что в крестьянском хозяйстве Илимского воеводства в начале XVIII в. «происходило формирование буржуазных отношений»<sup>86</sup>. Вместе с тем для первой половины XVIII в. довольно единодушно признается факт использования вольнонаемной рабочей силы отходников из земледельческих крестьян на мануфактурах капиталистического типа, что также является свидетельством расслоения этих крестьян.

Таким образом, рассмотрение конкретного исторического материала дает полное право говорить о наличии зачатков капиталистического расслоения среди земледельческих крестьян уже во второй половине XVII — первой половине XVIII в.

В заключение своей статьи в журнале «История СССР» В. К. Яцунский пишет, что увлечение новыми материалами в области истории капитализма в земледелии и их неверная, в пылу увлечения, оценка «начинают проходить»<sup>87</sup>, создавая тем самым впечатление, что все большее число историков начинает склоняться к его, более правильной точке зрения. Нам представляется, что это не совсем верно отражает положение вещей. Перенесение дискуссии с сессий Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы на более широкую арену — на страницы журнала «История СССР» — свидетельствует, что обсуждение этих важнейших проблем истории феодальной России еще далеко не закончено. Думается, что в ходе этого обсуждения особое внимание следует уделить выработке единых теоретических позиций, с которых необходимо рассматривать фактический материал о расслоении крестьянства. Без этого одно накопление новых фактов не может привести к решению проблемы.

<sup>82</sup> К. Н. Щепетов. Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьянства в вотчинах Черкасских в XVII в. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», М., 1958.

<sup>83</sup> Там же, стр. 62—63.

<sup>84</sup> Е. И. Индова. Наемный труд у крестьян царскосельских дворцовых деревень в первой половине XVIII в. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», М., 1958.

<sup>85</sup> Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 70—71.

<sup>86</sup> В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, Иркутск, 1949, стр. 196.

<sup>87</sup> В. К. Яцунский. Еще к вопросу о возникновении капиталистического расслоения... стр. 141.